

Рмаучмауфавадорпч, - доносилось из коридора, что-то нечленораздельное.

Под воздействием лекарств, шум обитателей пансионата, которые стекались из своих комнат на обед, казался стонами каких-то адских тварей. А рыбный суп из консерв распространял такие отвратительные миазмы, что бывшая библиотечарша только поражалась тому, что кулинарное блюдо в медицинском заведении может пахнуть подобным образом. И кто-то еще платил за это свои собственные деньги!

- Довольно! Не толпитесь и проходите в столовую, - голос медсестры из-за двери почему-то звучал отчетливо и понятно.

-Порядок! Соблюдайте дисциплину! Пошевеливайтесь, - санитары, тоже объяснялись по-человечески.

Предыдущая владелица еще три месяца назад потеряла способность понимать обитателей пансионата. В тоже время этот дефект коммуникации никак не касался персонала. Мадам Чжоу считала, что это симптом прогрессирующего заболевания.

Так ли это?

Что же это за болезнь такая?

Уинкерботтом с трудом села. В таком положении ей удалось достать до тумбочки, где лежал блокнот с записями.

Врачи пансионата поощряли ведение дневников. Как будто это должно было помогать систематизации мыслей и контролю над собой. На самом деле заметки, вырванные из контекста, могли помочь свидетельствовать о невменяемости пациента в случае, если их дела попытаются расследовать.

Зашелестели страницы, открываемые наугад.

01 октября 1963 г.

"Вчера написала письмо моему дорогому мальчику и передала его медсестре. А вечером его по телевизору показали! И он оказался одним из лучших предпринимателей в своей отрасли! В связи с этим я немедленно написала еще одно письмо и поздравила его!"

Значит мадам Чжоу была таким типом сверх опекающей матери-наседки. Ох, и трудно порой иметь с подобными людьми дело. И все же поступки ее сына явно пересекали красную линию.

07 октября 1963 г.

"Доктор Октавио заходил побеседовать со мною. Разговор шел ни о чем: о погоде, болях в коленях, хорошо ли я кушаю. По правде сказать, не привычно даже, чтобы со мной так много беседовали.

К сожалению, я не могу ни понять соседей, ни сказать им ничего так, чтобы поняли. Стонут, шипят, свищут и слов их совсем не разберешь. Будто вставную челюсть вынули у всех сразу, или язык отрезали. Вот и грустно мне находиться здесь совсем одной.

А доктор заботливый, много о сыне говорил. Упоминал, как у него хорошо дела идут и что привет мне передавал.

Кушала пирожные, которые принес доктор от сыночка. Было так вкусно! У меня от этого сразу тепло на сердце стало. Помнит, значит Чжоу Сюй мать свою и скоро приедет."

09 октября 1963 г.

"Вот уже год как я проживаю в пансионате. Мне говорят, скоро я стану совсем здорова. И я тоже верю, что так и будет. Я обязательно выздоровею, проживу долгую и счастливую жизнь и успею еще много чего сделать.

Ночью приснился мне странный сон.

"Ты ведь знаешь, что находишься в действительности в очень плохом положении?" - шипел мне в ухо змеиный голос.

"Это какая-то шутка?" - спросила я.

"Ты и есть самая большая шутка, мадам Чжоу. Так как тебе еще ничего не известно, мне следует прийти попозже."

Мне так и не удалось разглядеть говорящего, проступал только его смутный силуэт в темноте.

Я - не мастер разгадывать сны. На самом деле, я - больше материалистичная натура. Вот только это уже не первый подобный сон. И мне становится все труднее закрывать на них глаза. Может быть странная мелодия, которую играют перед сном, наводит такие сновидения? Слышала, ее сочинил старый профессор музыки по прозвищу Король Снов, который тоже здесь живет... Или жил. Но в любом случае, после подобного я ещё долго не могла уснуть. Эти сны такие неприятные и тяжелые."

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/47747/1145313>